Александра Осиповна Ишимова

История России в рассказах для детей (Главы)

Часть сборника
Большая хрестоматия для начальной школы (сборник)

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Государство наше, беспримерное по своему пространству, представляет в Европейской части своей, где было его начало, обширную равнину, окруженную пятью морями: Северным, Балтийским, Черным, Азовским и Каспийским. По этой равнине, имеющей только на средине своей некоторые возвышенности, легко было проходить и кочевать разным племенам, особливо в эпоху великих переселений народов в первые века христианства. Так, проходили тут и скифы, и сарматы, и готы, и гунны, и авары…»

- Александра Осиповна Ишимова
  - Первые обитатели земли Русской
  - Первые государи Русские
  - Русь северо-восточная до времен великого князя Московского Иоанна Калиты
- notes
  - 1
  - 2
  - 3

Александра Осиповна Ишимова
История России в рассказах для детей
(Главы)

Первые обитатели земли Русской

Государство наше, беспримерное по своему пространству, представляет в Европейской части своей, где было его начало, обширную равнину, окруженную пятью морями: Северным, Балтийским, Черным, Азовским и Каспийским. По этой равнине, имеющей только на средине своей некоторые возвышенности, легко было проходить и кочевать разным племенам, особливо в эпоху великих переселений народов в первые века христианства. Так, проходили тут и скифы, и сарматы, и готы, и гунны, и авары. Последние три народа недолго оставались здесь и ушли далеко на запад; скифы же и сарматы, вероятно, кочевали по земле нашей долее других народов, потому что памятниками их остались до сих пор курганы, покрывающие почти всю южную полосу России, известные под названием Скифских могил. Но ошибочно было бы принимать скифов и сарматов за предков наших, потому что, когда брожение кочевых народов кончилось, на обширной равнине нашей оказалось только три оседлых народа: славяне, литовцы и финны.

Славяне были главными из них по своей многочисленности и по тому обширному пространству, которое они занимали на земле нашей. Нельзя определить, когда именно они пришли сюда, но достоверно известно, что они первоначально пришли из Азии и принадлежали к тем же арийцам, от которых произошли почти все другие народы европейские. Сначала часть их поселилась на берегах Дуная, а оттуда перешла на берега Днепра и Днестра. Мало-помалу они распространились оттуда в разные стороны и в половине IX века по Р.Х. жили уже и около озера Ильменя, и на Западной Двине, а к востоку – на реке Оке. И эти дунайские или, лучше сказать, наши славяне разделились также на несколько племен, из которых значительнейшими были: кривичи, древляне, поляне, радимичи, вятичи.

Все эти племена занимали середину земли нашей от Днепровских берегов до озера Ильменя; к западу от них, по рекам Неману и Западной Двине, жила литва, или литовцы, народ также родственный славянам, что доказывается сходством языков их.

Наконец, третьи постоянные обитатели земли нашей в IX веке – финны – были самыми близкими соседями славян к северу и северо-востоку. Этот народ, так же как и славяне, разделялся на многие племена. Главные из них были: чудь в Эстонии около Чудского озера: ямь – в Финляндии; весь – на Белом озере; мурома – на реке Оке, пермь – в нашей нынешней Пермской губернии. Финские племена представляли резкую

противоположность со славянами. Славяне были сильны, бойки, красивы, с темными волосами и румяным цветом лица. Финны же, напротив того, бледны, некрасивы, неповоротливы, со светлыми волосами и такими же глазами, отчего славяне и называли их иногда чудью белоглазою.

Кроме этих трех народов, на пространстве Европейской России жили еще по берегам Волги, в нынешней Казанской губернии, полуоседлый народ турецкого племени – болгары, а на Дону и на Крымском полуострове – козары. Козары были народ, смешанный из различных племен: у них были и христиане, и магометане, и язычники, но главный начальник народа, называвшийся каганом, был еврейского исповедания.

Первые государи Русские

Вскоре после того как у северных славян общими усилиями их и варяжских князей основалось Русское государство, на юге у днепровских славян явилось также новое варяжское княжество: два князя или просто два единоземца Рюрика – Аскольд и Дир, по своей норманнской охоте к завоеваниям, не остались с ним сидеть праздно в Новгороде, но отправились далее на юг славянских земель, отняли у полян городок их Киев, освободили их от дани, которую они платили козарам, и сделались государями их, как Рюрик и братья его были у северных славян.

Третье варяжское княжество около того же времени основано было варягами в Полоцке у славян, живших по берегам Западной Двины. Князем этого нового владения был Рогвольд.

Главный из этих варяжских государей, Рюрик, вскоре сделался владетелем всей Новгородской области: оба брата его скончались через два года после прибытия их к славянам. Рюрик построил несколько новых городов[1], поместил в каждом отряды дружины своей для защиты жителей от неприятеля и в то же время для того, чтобы сами жители не восставали против власти призванных ими князей, как это было уже однажды в Новгороде.

Спустя семнадцать лет, именно в 879 году, Рюрик скончался, и наследником его, за малолетством сына его Игоря, был родственник его Олег. Необыкновенно умный, смелый, предприимчивый Олег положил первое основание той славе, которой потом суждено было достигнуть молодому государству: он соединил в одно все варяжские княжества. Умертвив хитростью Аскольда и Дира, отнял у них Киев, как владение, принадлежавшее наследнику Рюрика, Игорю, и, узнав все выгоды местности Киева в сравнении с холодною и болотистою страною Новгорода, перенес туда столицу государства и назвал Киев *матерью городов русских*.

Кроме этой важной победы над единоплеменниками своими и справедливого присоединения основанного ими княжества к Руси, Олег прославился еще покорением многих других племен славянских, живущих по берегам того водного пути, по которому он шел до Киева: северян, радимичей и древлян. Но всего этого было еще мало для завоевательного духа Олегова: он пошел далее по знакомому варягам водному пути в Грецию, тем более что из Киева этот путь был уже не так далек; дошел до Царьграда, или Византии, навел на нее такой страх, что Византийский император согласился заплатить Русскому князю дорогой выкуп, состоявший из золота, шелковых тканей и греческих вин; одним

словом, в 33 года правления Олега народ видел так много славных и счастливых дел его, что, дивясь им, назвал его Вещим, т. е. мудрым и прозорливым.

В 912 году он умер от укушения змеи, и наследником его сделался Игорь, сын Рюрика.

Княжение этого князя, хотя столько же продолжительное, как и Олегово, не имело и тени его славы и было замечательно только одними неудачами и несчастиями князя. Многие славянские племена, и особенно древляне, возмущались против него, а в то время, когда он уходил усмирять их, нападали на владения его новые опасные враги – орды диких печенегов, в первый раз появившиеся в южной России из степей уральских. Не один раз надобно было Игорю усмирять их, и эти усмирения по большей части были неудачны, так же, как и поход его на Византию. Он уже не вывозил оттуда, как Олег, драгоценностей греческих, и договор, заключенный Игорем с греками после одного из таких походов, замечателен только тем, что подтвержден был клятвой Игоря и его воинов в Киеве, куда приезжали для того послы греческие. В дружине княжеской были тогда между язычниками и христиане. Язычники вместе с князем своим давали клятву свою пред идолом главного бога своего Перуна, а христиане присягали в соборной церкви Св. Илии.

Вскоре после этого греческого похода Игорь отправился снова против древлян за данью, которую они отказывались платить ему, и был убит ими в 945 году.

Сын и наследник его, Святослав, был еще малолетен, но за него управляла государством мать его, княгиня Ольга, соединившая в себе все качества умной и редкой государыни, особливо судя по тому состоянию, в каком была тогда русская женщина, и еще более по тому обстоятельству, что она сделалась супругою Игоря из простой селянки, случайно встреченной им на охоте[2]. Как правительница она исполняла свои обязанности с чрезвычайною отчетливостью: вполне постигая, как важно для благосостояния народа правосудие, она вместе с опытными советниками и полководцами объезжала свои области, сама творила в них суд и расправу и особенно наблюдала за правильным распределением дани, какая налагалась на покоренные племена. Но важнее всего в жизни этой государыни было то, что она, окруженная язычниками и будучи сама язычницей, поняла сердцем и умом святые истины веры христианской и, желая вполне просветиться ими, ездила в Царьград, где изучила веру греческую и торжественно приняла ее в 957 году.

В это время Святослав уже достиг таких лет, что сам

управлял государством. Воинственный, суровый, этот князь был во всех отношениях совершенным представителем древних славянских героев. Летописец наш рассказывает, что он ходил на неприятелей с быстротою барса и притом объявлял им наперед, что идет на них; в походах спал на земле, даже без шатра, войлок был его постелью, седло – подушкой, грубое мясо диких зверей – его пищею, простая вода – питьем. Государю с такими свойствами и привычками и с дружиною, во всем похожею на него, трудно было думать о чем-нибудь другом, кроме войн и завоеваний. И Святослав именно так и провел почти все время своего княжения. Он начал победы свои покорением вятичей, единственного славянского племени, оставшегося непокоренным после Олега. Потом он пошел на козар, хотевших было защитить вятичей, плативших им дань, и покорил в своей области и этот народ. Слух о силе и храбрости Святослава дошел до Византийского императора Никифора, и он просил его помощи против дунайских болгар. Русский князь, оказав эту помощь, завоевал себе всю Болгарию, которая так понравилась ему, что он хотел даже перенести столицу свою из Киева туда; но преемник императора Никифора, Иоанн Цимисхий, боясь такого соседа, как Святослав, потребовал, чтобы он оставил Болгарию. Святослав не согласился на это, и тогда Цимисхий напал на него с многочисленным войском, и Русский князь после самой героической борьбы при крепости Дростоле (нынешней Силистрии) – борьбы, в которой, по словам летописца, бились даже женщины славянские подле мужей своих, Святослав должен был согласиться на мир. При заключении его оба государя свиделись на берегу Дуная. Византийские историки описывают это любопытное свидание: Иоанн в блестящих латах с многочисленною и богато одетою свитою подъехал к берегу на коне. Святослав приплыл к тому же берегу на лодке, гребя сам веслами наравне с другими гребцами. Простая белая одежда его не имела никаких украшений, но суровый вид его был так важен, что Иоанн, как бы почувствовав невольное уважение к Русскому князю, сошел с лошади. Святослав же, не выходя из лодки, поговорил с ним немного и отъехал от берега.

Во время частых походов Святослава то в любимую им Болгарию, то против других народов Киев подвергался набегам диких печенегов, которым Святослав жестоко отмщал за дерзость и далеко прогонял в дикие степи их. За то и они ненавидели его и в свою очередь старались всеми силами отмщать ему. Удобный к тому случай представился им тогда, как они услышали о неудачах его в Болгарии и о возвращении его оттуда с малым остатком войск. Они собрались многочисленною ордою у

Днепровских порогов ожидать его и, дождавшись, напали на небольшой отряд и истребили его вместе с самим князем. Это случилось в 972 году.

Русь северо-восточная до времен великого князя Московского Иоанна Калиты

Если до сих пор северо-восточная Русь, изнывая под властью татар, могла еще с завистью смотреть на состояние юго-западной половины ее, то теперь, под властью Польши и Литвы, это состояние последней сделалось еще бедственнее судьбы северо-восточных областей. Татары не притесняли веры православной, можно было сказать даже, что, несмотря на дикость свою, они уважали ее: на духовенство русское они никогда не налагали дани и поэтому не подвергали его даже и переписи. Напротив того, в областях Галицких, подпавших под власть поляков, православная вера первая испытала жестокие гонения: католичество преследовало ее и, где только можно было, совсем истребляло. Литовские князья с начала владычества своего над западными областями показывали также уважение не только к вере православной, в которую многие из них даже крестились, но и к другим гражданским учреждениям русским. Когда же впоследствии Литва должна была покориться Польше, литовцы, и особенно православные из них, подпали такому же гонению, как и русские, и тогда-то состояние юго-западной половины Руси сделалось невыносимо и жители ее с надеждою смотрели только на северо-восток Руси, откуда предчувствовалось им спасение. Но мы должны возвратиться к тому времени, когда эта надежда еще весьма мало оправдывалась, к тому времени, когда после кончины Александра Невского княжили на великом столе один за другим два брата его, Ярослав и Василий Ярославичи, и княжения их не отличались ничем особенным, кроме борьбы Новгорода и Пскова с Литвою и немцами, борьбы, замечательной тем, что князем Псковским, прославившимся своею храбростью и благородством характера, был в это время один из литовских князей, Довмонт. Он бежал из Литвы по случаю междоусобий у тамошних князей, принял веру православную во Пскове и пользовался таким уважением псковитян, что они избрали его своим князем и были обязаны ему многими славными победами над немцами и литовцами.

В 1276 году умер великий князь Василий Ярославич, и Русская земля подвергается новым бедствиям от споров за великое княжество двух сыновей Невского, старшего Димитрия и младшего по нем Андрея Александровичей. Под дикою властью

татар права старшинства между князьями более и более слабеют, каждый из них думает только о том, как бы усилить собственное княжество и помешать усилиться другому. Такого рода несогласия были и между братьями Александра Невского; сын же его Андрей решился уже давно отнять великокняжеский стол у брата Димитрия и, не останавливаясь ни перед какими средствами, отправился в Орду с богатыми дарами хану. Татары любили более всего деньги и всегда считали лучшим из князей того, который был богаче других. Таким образом, Андрею Александровичу нетрудно было получить от хана не только ярлык или грамоту на великий стол, но даже и войско на случай, если бы Димитрию вздумалось противиться ему. Димитрий, однако же, не мог думать о сопротивлении: он бежал за море Балтийское, а татары все-таки не прежде возвратились в свои степи, как разорив все области, мимо которых проходили. Но Андрей недолго посидел на несправедливо захваченном престоле: Димитрий возвратился с наемным войском и выгнал его из Владимира. Андрей опять бросился за помощью в Орду, но, к несчастию его, у татар в это время происходили собственные междоусобия: на берегах Черного моря основалась, под начальством хана Ногая, новая, неприятельская Золотой, Орда Ногайская. Димитрий Александрович на этот раз отправился не за море, но к этому новому хану, и не ошибся: Ногай поддержал его, дал ему войско, и Андрей должен был уступить брату. Эта уступка, однако же, была не надолго: только до тех пор, пока он съездил в Золотую Орду и привел оттуда опять новое войско, которое помогло ему окончательно утвердиться на великом княжестве. Побежденный Димитрий скоро скончался – это было в 1294 году. Но князь, поступивший так несправедливо против брата и так безжалостно отдавший народ на разорение татарам, не мог доставить подданным своим спокойствия и счастия. Как скоро он утвердился на престоле великокняжеском, начались споры между другими князьями: одни были за него, но большая часть против него, и так продолжалось во все десятилетнее княжение его. Из всех князей – противников его – Андрей особенно преследовал младшего брата своего, Даниила Александровича Московского.

Москва, о которой летопись упоминает в первый раз в 1147 году, была маленьким городком, основанным Юрием Долгоруким на месте селения одного из его бояр, Степана Кучки. Этот Кучка чем-то прогневал Юрия и за то был казнен, и поместье его взято в казну. Местоположение его на берегу небольшой речки Москвы понравилось Юрию, и потому он основал тут городок и назвал его по имени реки – Москвою. Долго Москва была неважным городом Суздальской области и управляли ею не князья, но наместники

их. Такою досталась она в удел князя Даниила Александровича. Умный и деятельный, он первый из князей начал жить в Москве и думать об ее украшении и усилении. В этом был усердным помощником ему племянник его, Иоанн Димитриевич, князь Переяславский. Умирая бездетным, он и по смерти хотел помогать любимому дяде и отказал ему свой удел, а в нем город Переяславль-Залесский был одним из лучших и самых старинных городов северной Руси. Таким образом маленькое княжество Московское очень усилилось, особливо когда через несколько времени Даниил Александрович присоединил к нему и один из старинных городов Рязанской области, Коломну, отнятую им по случаю какого-то спора: этого-то усиления и боялся великий князь Андрей и всеми силами противился ему, но напрасно. После смерти Даниила, основателя Московского княжества, сын его Юрий продолжает действовать в том же духе и еще при жизни Андрея прибавляет к своему княжению город Смоленского княжества Можайск; после же смерти Андрея Юрий уже чувствует себя столько сильным, что хочет завладеть и великокняжеским столом, принадлежавшим по праву старшинства князю Тверскому Михаилу Ярославичу, старшему племяннику Александра Невского. Но прежнее право старшинства уже совершенно потеряло силу в это время: князья считали даже долгом своим стараться об усилении собственного княжества, и потому несправедливое намерение Московского князя не удивляло других князей. За решением спора соперники поехали в Орду. Михаил Тверской дал хану более денег, нежели Юрий, и великокняжеский стол остался за ним. Юрий принужден был уступить и сделал это по наружности, но внутренне остался при своем намерении и не упускал ни одного случая вредить Тверскому княжеству; Московское же княжество свое усиливал он тем, что не давал никаких уделов из него даже родным братьям своим, а великому князю вредил тем, что помогал новгородцам в ссорах их с Михаилом. Новгородцы, прося Юрия защитить их от притеснений Тверского князя, уговорили его даже переехать к ним в Новгород. В это время наступил 1313 год, и в Орде сделалась важная перемена: умер хан Тохта. Наследником его сделался племянник его, молодой хан Узбек. Михаилу надобно было ехать к новому хану и получить от него подтверждение, т. е. новый ярлык на великокняжеский стол. Он возвратился с успехом из Орды, где, вероятно, жаловался на непокорных ему новгородцев и защитника их, Юрия Московского, потому что тотчас по возвращении Михаила пришло Юрию повеление хана – явиться в Орду. Он поехал, прожил там довольно долго, чтобы сблизиться с молодым Узбеком, и так успел в этом намерении,

что хан не только искренне полюбил его, но даже отдал за него сестру свою Кончаку, названную в крещении Агафиею.

С этого времени борьба князей Московского с Тверским представляет самые жестокие, даже кровавые сцены. Михаил, мужественно защищая свое старшинство, не уступает Юрию даже и тогда, когда тот возвращается ханским зятем. Во время этой войны и жена Юрия попадается в плен к Михаилу и потом умирает в Твери. Юрий воспользовался этою смертию, чтобы оклеветать Михаила в отравлении ее перед Узбеком, который вызывает в Орду Михаила, и невинный князь умирает там среди самых ужасных страданий, заслужив по справедливости название мученика и святого. Это случилось в 1319 году. Юрий получил великокняжеский стол, но борьба между Москвою и Тверью тем не кончилась. Мстителем за Михаила явился старший сын его Димитрий, прозванный Грозные Очи. Он поехал в Орду искать суда на Юрия. Юрий, узнав об этом, и сам отправился туда. Враги встретились в шатре хана, и Димитрий на глазах его убил Юрия, за что и сам был казнен по приказанию Узбека. Великокняжеский престол отдан был брату Димитрия – Александру Михайловичу Тверскому; в Московском же княжестве наследником Юрия был его брат Иоанн Данилович. Оба эти князя продолжали непримиримую борьбу Москвы и Твери.

Александр Михайлович своим легкомыслием и самонадеянностью испортил дело Твери: один из послов ханских, по имени Чолхан, приехал в Тверь за сбором дани. И сам он, и свита его, по обыкновению, притесняли жителей. Вместо того чтобы уговаривать тверитян покориться необходимости и переносить обиды для избавления себя от других, бóльших, Александр Михайлович сам подстрекал их к мщению татарам и довел дело до того, что они зажгли дом, в котором жило посольство, и все татары погибли в пожаре. Гнев Узбека был ужасен, и им умел воспользоваться Московский князь Иоанн Данилович. Он поехал в Орду и скоро возвратился оттуда с войском, данным ему для наказания тверских мятежников. Княжество их было почти совсем опустошено; князь Александр Михайлович прежде убежал в Псков и там прожил несколько лет, а потом казнен в Орде; великокняжеский же престол от него перешел к Иоанну Московскому.

Первый Московский великий князь справедливо назван был и первым собирателем Русской земли. Твердый характером, рассудительный, бережливый Иоанн Данилович, прозванный Калитою[3], умел пользоваться обстоятельствами, благоприятными для усиления его княжества, и всем тем, что уже сделано было для этого усиления Даниилом и Юрием. Со своей

стороны, он прибавил многое к увеличению важности значения Москвы хорошим управлением ее, тишиною и порядком, какими пользовались ее жители в его княжение, и особенно тем, что он умел приобрести расположение к себе всеми уважаемого митрополита Петра, который часто ездил в Москву из Владимира, куда митрополиты переселились после разорения Киева. Когда же митрополит Петр скончался в Москве и приказал похоронить себя в ней, то преемник его, митрополит Феогност, не желая расстаться с гробницею святого служителя Божия, перевел и митрополичий престол в Москву. Это перенесение доставило большие выгоды Москве: благоговение, какое набожные предки наши всегда чувствовали к своему верховному святителю, привлекало к нему лучших людей из всех сословий, не говоря уж о тех лицах, которые по разным делам имели нужды до митрополита, и, таким образом, присутствие его в Москве не могло не иметь влияния на улучшение и обогащение ее. Что касается до богатства всего Московского княжества, то Иоанн Калита много увеличил его поборами с новгородцев, которых он не раз защищал от притеснений Тверских великих князей и за то требовал с них денег, и эти требования увеличились с тех пор, как по низложении Тверских князей великокняжеский стол достался Иоанну. В случае отказа новгородцев платить требуемую дань Иоанн посылал к ним войско свое и приказывал или силою отбирать ее, или строить на землях новгородских городки или слободы и таким образом более и более распространял владения Московского княжества.

notes

Примечания

1

Городом называлось селение, огороженное со всех сторон.

2

Предание говорит, что это было на берегу реки, через которую Игорю надобно было переехать, и что перевозчицею была, как и в наше время бывает иногда в деревнях, девушка – Ольга.

3

Слово «калита» значило «мешок денежный». Вероятно, такое прозвание было дано Иоанну потому, что он был богат и всегда имел при себе мешок с деньгами для раздачи бедным.